

А. А. ЕФИМОВ

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Взаимоотношения августейших заказчиков с подрядчиками по поводу финансирования строительства великокняжеских дворцов в середине XIX — начале XX в.

Статья посвящена одному из вопросов истории создания великокняжеских резиденций в Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Автор утверждает, что большинство исследований, посвященных этой теме, фокусируется на проблемах искусствоведения, тогда как организационные аспекты остаются малоизученными. На основе архивных материалов автор освещает участие августейших заказчиков во взаимодействии с подрядчиками при решении финансовых проблем. В статье выделяются два варианта реагирования великих князей на переданные им сообщения об этих сложностях. Автор отмечает, что навстречу контрагентам шли в случае, если их предложения не затрагивали денежных интересов их высочеств, тогда как оказание денежной помощи подрядчикам было явлением исключительным и осуществлялось только при гарантиях возврата средств.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство императорского двора, великие князья, дворец, строительство.

Финансовая поддержка: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук № МК-175.2019.6.

Министерство императорского двора (МИДв) со времени создания в 1826 г. и вплоть до 1917 г. активно участвовало в формировании архитектурного облика столицы Российской империи и ее пригородов. В первую очередь речь идет о великокняжеских резиденциях, ставших неотъемлемой частью разных районов Санкт-Петербурга, которые строились в большинстве случаев под административным контролем чиновников Придворного ведомства. Отдельного внимания при исследова-

нии строительной деятельности МИДв заслуживает проблема взаимодействия заказчиков и исполнителей — политической элиты Российской империи из рода Романовых с бюрократической элитой, представленной чиновниками МИДв. Наиболее рельефно эти взаимоотношения проявлялись в такой особой области деятельности Придворного ведомства, как создание великокняжеских дворцов, исполнявших одновременно базовую функцию жилища и функцию резиденции, то есть представительскую. Настоящая статья посвящена одному из аспектов этого взаимодействия, а именно участию великих князей в решении финансовых сложностей с подрядчиками при строительстве собственных дворцов.

В историографии в целом преобладают исследования, в которых результаты архитектурно-строительной деятельности МИДв рассматриваются с позиций искусствоведов, историков архитектуры и историков искусства. Вследствие этого основное внимание уделяется описанию внешнего и внутреннего убранства зданий, которое представляется скорее как итог творчества какого-либо архитектора, а не кропотливой работы множества лиц, сложных переговоров и достигнутых соглашений между разными как по роду занятий, так и по статусу людьми. Подобный подход не позволяет дать полного представления о роли августейших особ в строительстве. Однако справедливости ради стоит отметить, что проблема взаимодействия августейших особ, служащих МИДв, архитекторов, подрядчиков и поставщиков в отдельных своих аспектах ранее уже поднималась в историографии. В первую очередь внимание исследователей привлекал вопрос взаимоотношений членов дома Романовых и архитекторов. Специально данный вопрос рассматривается в книге А. С. Лосевой «„Себя как в зеркале я вижу...“: Царские резиденции глазами заказчиков»¹ и статье Е. А. Борисовой «К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в.»², а также в монографии В. А. Резвина «Архитекторы и власть»³. Тем не менее, в силу сфокусированности на линии «член императорской фамилии — архитектор», когда рассматривается главным образом влияние художественного вкуса представителей дома Романовых на экстерьер и интерьер будущих резиденций, а также из-за искусственной ограниченности источниковой базы, когда остаются незадействованными архивные

¹ Лосева А. С. «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. СПб., 2006. 138 с.

² Борисова Е. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. М., 1994. С. 234–298.

³ Резвин В. А. Архитекторы и власть. М., 2013. 311 с.

документы, образовалась историографическая лакуна, в которой оказалась, в частности, и проблема настоящей статьи.

Однако даже обращение к источникам не позволяет раскрыть тему взаимодействия членов дома Романовых с чиновниками Придворного ведомства, поставщиками и подрядчиками при строительстве всех и каждой из полутора десятков великокняжеских резиденций, построенных в рассматриваемый период. По большинству дворцов не удалось выявить достаточного объема документов, которые дали бы возможность составить хоть сколь-нибудь полную картину по этой проблеме. В настоящей статье внимание сосредотачивается на нескольких дворцах, на основе материалов которых удастся провести анализ, по крайней мере, финансовой стороны исследуемого вопроса. Этими резиденциями являются Михайловская дача в пригороде Санкт-Петербурга Петергофе, Санкт-Петербургский дворец великого князя Владимира Александровича и крымская усадьба Харакс великого князя Георгия Михайловича.

Со второй половины 1850-х по начало 1880-х годов администрирование строительных работ, проводимых Министерством императорского двора, осуществлялось специальной Строительной конторой. Именно она в большинстве случаев занималась подбором подрядчиков через систему торгов, контракт с ними заключался после согласования с министром императорского двора, а в ряде случаев и с императором. При этом великих князей лишь информировали о результатах торгов.

По такой схеме, в частности, были определены подрядчики для строительства резиденции великого князя Михаила Николаевича в имении Михайловка. 11 июля 1857 г. между лицами, приглашенными особыми повестками, был проведен тендер, по результатам которого последняя цена осталась за купцами 1-й гильдии Николаем Тарасовым и Иваном Смирновым, предложившими сумму 766 тыс. руб.⁴ Через некоторое время с ними был заключен контракт, среди положений которого значилось отсутствие доплат за работы, не учтенные в проектной документации.

Однако в ходе строительства со стороны августейшего заказчика многократно звучали пожелания о внесении тех или иных изменений и дополнений в список работ, а в условиях нерегулярного перечисления ассигнований из Придворного ведомства, помноженных на вышеприведенное положение контракта, подрядчики столкнулись с финансовыми трудностями. О своих проблемах они уведомили Придворное ведомство, и им было дано обещание, что по завершении строитель-

---

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 18 об. — 19; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 52.

ства при окончательном расчете дополнительные расходы постараются возместить по мере возможности. Однако деньги требовались именно во время работ, посему подрядчики были вынуждены дважды обращаться за кредитами уже к великому князю Михаилу Николаевичу. В первый раз, в середине августа 1861 г., ими было подано прошение о выдаче ссуды в размере 35 тыс. руб., которые предполагалось возвратить после получения положенной выплаты от Придворного ведомства. Контора двора Его Высочества со своей стороны была готова выдать данную сумму, но только под 5% годовых. Однако этого кредита все же не потребовалось, поскольку 9 сентября 1861 г. Александр II дал Строительной конторе разрешение выдать требуемые 35 тыс. руб. из ее операционных сумм, а Придворной конторе Его Высочества было сообщено об отсутствии потребности в переводе этих средств великим князем⁵.

Продолжавшаяся несогласованность между назначением со стороны великого князя дополнительных работ и ассигнованием средств на эти расходы из Придворного ведомства вновь привела подрядчиков к финансовым трудностям. В начале октября 1861 г. почетный гражданин И. Смирнов вторично обратился за финансовой поддержкой в Придворную контору великого князя Михаила Николаевича, запросив уже 40 тыс. руб. На этот раз избежать займа от заказчика не удалось. Эти средства были отпущены подрядчику к 10 октября с условием их возмещения как вычета из будущей выплаты от Строительной конторы. Ассигнование подрядчику со стороны Придворного ведомства, из которого и вычли указанную сумму, поступило уже в следующем, 1862 г. Это дает основания предполагать существование у МИДв в конце календарного года финансовых затруднений⁶. В целом, несмотря на отдельные трудности с ассигнованием средств, обустройство Михайловской дачи, завершившееся к концу лета 1862 г. и обошедшееся в общей сложности в 1637 тыс. руб., не потребовало действительно активного участия августейшего заказчика в решении финансовых проблем с подрядчиками, поскольку в конечном итоге все деньги были, так или иначе, выданы из сумм МИДв без каких-либо явных возражений со стороны последнего.

По завершении строительства резиденций наступало время для поощрения лиц, участвовавших в работах. При этом если сам архитектор и его помощники практически гарантированно получали те или иные награды и подарки, то многие поставщики и подрядчики могли рассчитывать на это только при условии, что за них походатайствуют как глав-

⁵ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 83–84 об., 86–86 об.

⁶ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 875. Л. 23–23 об.; Ф. 482. Оп. 1. Д. 6939. Л. 67; Ф. 547. Оп. 1. Д. 314. Л. 87, 103–104 об.

ный архитектор, так и приближенные августейшего заказчика. В свете этого особого внимания заслуживает история столяра Николаева, участвовавшего в создании Санкт-Петербургского дворца великого князя Владимира Александровича. Спустя полгода после официальной сдачи Владимирского дворца автор проекта и руководитель строительства резиденции архитектор А. И. Резанов обратился к гофмейстеру Двора Его Императорского Высочества Г. Т. фон Боку. Зодчий просил доложить великому князю о нуждах этого мастера, ходатайствуя о выдаче тому в рамках окончательного расчета за произведенные работы 2000 руб. в качестве одновременно поощрения за хорошо исполненную работу и финансовой поддержки. Хотя просьба А. И. Резанова и была доведена до сведения великого князя, положительного результата это не принесло: 12 ноября 1872 г. на документе была проставлена виза «Его Высочество снова не изволил разрешить»⁷. Однако отрицательный ответ не заставил зодчего окончательно отринуть попытки выхлопотать Николаеву дополнительную выплату. Подача следующего прошения произошла спустя без малого год, в конце сентября 1873 г. На сей раз это обращение было связано уже с желанием поддержать человека, оказавшегося в сложном положении. 22 сентября в мастерских столяра произошел пожар, принесший убыток в 75 тыс. руб., из которых, по сведениям А. И. Резанова, по страховой выплате можно было получить лишь одну треть. Указывая на тяжелые форс-мажорные обстоятельства и вновь характеризуя Николаева как человека, который «вполне заслуживает особенного внимания к его участию», зодчий просил выделить ту же самую сумму в 2000 руб. На этот раз приводилось и объяснение, из которого следовало, что эти средства, по словам архитектора, соответствовали скидке, сделанной при заключении контракта, и даже в то время были значительными для мастера. Тем не менее и новое прошение, представленное вниманию великого князя, не возымело никакого результата, о чем свидетельствует поставленная Г. Т. фон Боком 8 октября 1873 г. виза «Его Высочество не изволил согласиться»⁸.

Упразднение в 1880-х годах Строительной конторы МИДв дало стороне заказчика возможность свободного выбора подрядчиков и поставщиков. При этом чаще всего эта задача делегировалась главному архитектору, занимавшемуся непосредственным руководством строительства. Однако в тех случаях, когда работы по строительству именно резиденции еще не начались, выбор мастеров для выполнения работ по местному благоустройству доверялся управляющим имениями великих кня-

⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 781. Л. 14–14 об.

⁸ Там же. Л. 149–150.

зей, сами августейшие заказчики согласовывали лишь заключение контракта, но не персону исполнителя.

Последняя схема была задействована при выборе мастера для устройства веранды на спуске к морю на территории имения Ай-Тодор, впоследствии вошедшей в состав усадьбы Харакс великого князя Георгия Михайловича. В отсутствие центрального администрирующего органа со стороны Придворного ведомства конфликт, возникший с согласившимся на это задание осенью 1900 г. владельцем «Проводной и механической мастерской» А. Е. Голубчиком и не урегулированный на месте, со временем неизбежно вышел на уровень августейшего заказчика.

Согласно первоначальной договоренности, достигнутой на словах с управляющим крымским имением Его Высочества Е. Ф. Лигнау, за свои услуги мастер запросил по представленной им 26 октября 1900 г. смете 1971 руб. за 438 пудов железа, а при подаче 14 ноября того же года донесения августейшему заказчику стоимость работ была скорректирована до 2061 руб. из расчета использования 458 пудов железа⁹. Это предложение получило общее одобрение, и работы начались весной 1901 г.

Основой будущего спора стало изменение Е. Ф. Лигнау условий предварительной договоренности. Он забраковал изготовленную А. Е. Голубчиком для пробы железную дугу и дал новые указания относительно способа производства работ и характера используемых материалов. При этом мастер, взявшись за выполнение работ на скорректированных условиях, не сделал никаких попыток юридически закрепить изменения контракта. Однако по завершении работ выставил счет на 2669 руб. 25 коп., что ощутимо превосходило первоначально установленный уровень. Реально же выплачено за эти работы было всего 1900 руб., что было даже меньше предварительной сметной суммы. Вполне ожидаемо, что подобное расхождение в оценках привело к спору между стороной заказчика и подрядчиком. В первую очередь А. Е. Голубчик попытался получить недоплаченные деньги непосредственно с управляющего имением, однако ему был дан категорический отказ. Весной следующего года мастер обратился со своим прошением уже в Придворную контору великого князя Георгия Михайловича, и вновь безуспешно¹⁰.

Однако подрядчик не отказался от своих притязаний и 7 марта 1903 г. написал уже на имя великого князя Георгия Михайловича, подробно изложив свое видение дела. Но и на этот раз его письмо, рассмотренное Его Высочеством, было через Придворную контору спущено Е. Ф. Лиг-

⁹ РГИА. Ф. 530. Оп. 1. Д. 136. Л. 68–69 об.

¹⁰ Там же. Л. 22–23, 77–79.

нау, подтвердившему свое первоначальное решение и, более того, рекомендовавшему проигнорировать само обращение¹¹.

Отсутствие реакции на свои письма не заставило А. Е. Голубчика отступить. Перебравшись еще в 1903 г. из Ялты в Москву, он 18 и 29 сентября 1904 г. дважды писал вновь на имя великого князя, отмечая, что разорился и закрыл свою мастерскую, а просимую сумму рассматривал как свой «последний капитал». На сей раз подрядчик уже был удостоен ответом от управляющего имением Харакс Н. Лигнау, в котором была открыто поддержана позиция уже покойного Е. Ф. Лигнау¹². Подобное решение вполне ожидаемо не удовлетворило просителя, однако вновь обратился по своему вопросу к великому князю Георгию Михайловичу он лишь спустя полтора года, 22 июня и 1 июля 1906 г., переехав к тому моменту уже в Харьков. В новых письмах он в очередной раз изложил свое видение проблемы, во втором письме сославшись на свою крайнюю стесненность в средствах. Для проведения разбирательства по решению Его Высочества из конторы имени Ай-Тодор были затребованы все документы по этому делу, а в качестве эксперта привлекли неназванного архитектора. Однако это никак не повлияло на исход дела. В направленном заявителю письме действия Е. Ф. Лигнау признавались правильными, выдвинутые претензии безосновательными, а дополнительно было сделано предупреждение о том, что последующие обращения будут игнорироваться¹³.

Признав сделанную ему еще в 1901 г. выплату соответствующей, А. Е. Голубчик все же счел возможным 1 августа 1906 г. вновь обратиться к великому князю. На этот раз он уже не жаловался на несправедливость, а писал о «хорошо выполненной работе» и своем бедственном материальном положении, прося выплатить «добавочную сумму». В отличие от предыдущих случаев, никаких разбирательств не последовало, а на саму бумагу была наложена виза «выдано 300 руб. по приказанию Его Высочества». Невозможно определенно сказать, что повлияло на такое решение, отказ ли от обвинений или настойчивость самого просителя, для избавления от писем которого решили просто откупиться; однако уже на следующий день этот вопрос был закрыт распиской А. Е. Голубчика, снявшего свои претензии¹⁴.

В заключение необходимо отметить, что великие князья хотя и не принимали активного участия в отборе подрядчиков, однако могли утвер-

¹¹ РГИА. Ф. 530. Оп. 1. Д. 136. Л. 81–83, 85а – 85б об.

¹² Там же. Л. 86, 86 об., 99–100 об.

¹³ Там же. Л. 63–64 об., 66–67, 110.

¹⁴ Там же. Л. 111–112.

ждать условия (чаще всего финансовые) заключавшихся с ними контрактов. При этом при возникновении проблем, носивших в подавляющем большинстве случаев финансовый характер, именно августейшие заказчики становились конечным адресатом обращений неудовлетворенных мастеров. Однако реакции на эти петиции различались в зависимости от их сути и реальной направленности.

В тех случаях, когда удовлетворение этих просьб содействовало ускорению работ, а возвращение выделенных великими князьями средств обеспечивалось прочными гарантиями, серьезных проблем с ассигнованиями не возникало. Так было при строительстве Михайловской дачи, когда великий князь Михаил Николаевич распорядился о выдаче ссуды из предназначенных на его личные нужды средств, которая была ему оперативно возвращена МИДв.

Совсем по-другому обстояло дело тогда, когда эта помощь должна была оказываться безвозвратно, из личных средств великих князей¹⁵, как надбавка к сумме, установленной контрактом. В подобной ситуации августейшие заказчики стойко упорствовали в своем нежелании выплачивать вознаграждение мастерам из собственных средств. Так, великий князь Владимир Александрович не признавал для себя возможным поощрять из своего кармана работавших на строительстве дворца мастеров, независимо от их усердия, сделанных скидок и ходатайств главного архитектора А. И. Резанова. Выплата же дополнительной суммы великим князем Георгием Михайловичем мастеру А. Е. Голубчику была одновременно результатом длительного давления со стороны последнего и жестом благотворительности по отношению к нуждающемуся человеку.

---

¹⁵ Исключением здесь стоит считать символические денежные подарки в честь закладки и освящения дворца, при этом выделявшиеся суммы редко превосходили 200–300 рублей, делившихся между множеством лиц, начиная со сторожей и заканчивая самим главным архитектором.